

Обнажая сердца

Анна Делман

Контракт

Анна Делман
Обнажая сердца

«Автор»

2026

Делман А.

Обнажая сердца / А. Делман — «Автор», 2026

София Светлова — безжалостный литературный критик, чья колонка не щадит никого. Она уверена: любовь — это выдумка, а все романы о чувствах — слащавый самообман. Когда она в пух и прах разносит новую книгу таинственного автора, скрывающегося под псевдонимом А. Астров, то не ожидает, что он выйдет из тени. Артём Ростов — тот самый писатель-затворник, чьи книги заставляют плакать миллионы. Десять лет он прятал лицо и душу от мира, храня боль, о которой не рассказывал никому. Но одна разгромная рецензия — и он решает доказать циничному критику, что любовь существует. Условия просты: тридцать дней, тридцать «идеальных» свиданий по законам ромкомов. Кто первым влюбится — проиграет и публично признает правоту другого. Что начинается как игра, стремительно перерастает в нечто большее. Прогулки под дождём, ужины, пахнувшие надеждой, и поцелуй среди старинных сонетов — всё это заставляет Софию вспомнить, каково это — чувствовать. А Артёма — поверить, что можно перестать винить себя за прошлое.

© Делман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Анатомия разгрома	5
Глава 2. Человек без лица	9
Глава 3. Правила игры	13
Глава 4. Колесо обозрения и детские страхи	18
Глава 5. Академический этюд	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Делман

Обнажая сердца

Глава 1. Анатомия разгрома

София Светлова ненавидела понедельники. Но этот понедельник обещал стать особенным — её новую рецензию ждала вся литературная Москва, а таинственный автор, которого она только что уничтожила, неожиданно вышел из тени и потребовал встречи. Она ещё не знала, что этот день изменит всё.

Утро понедельника пахло типографской краской и свежемолотым кофе. София сидела за своим столом в редакции «Литературного обозревателя» и смотрела на экран ноутбука, где только что загрузилась электронная версия свежего номера. Её колонка традиционно выходила на первой полосе раздела «Культура», и сегодняшний выпуск не стал исключением.

Заголовок гласил: **«Анатомия одной сказки: почему новый роман А. Астрова — это сладкий самообман».**

София пробежалась глазами по первым абзацам собственного текста — скорее по привычке, чем из необходимости. Она знала каждое слово наизусть. Писала она всегда ночью, когда город за окном затихал, а внутренний голос звучал особенно отчётливо и беспощадно.

«...А. Астров в своём новом опусе «Обнажая сердца» пытается убедить читателя, что любовь способна исцелить любые раны. Что достаточно одного взгляда, одного прикосновения — и многолетняя боль уходит, словно её никогда не было. Автор, очевидно, никогда не сталкивался с реальными предательствами. Его герои — картонные фигурки, которые танцуют под дудку сентиментального кукловода. Но жизнь, уважаемый господин Астров, это не вальс. Это бой без правил...»

Хлёстко. Жёстко. Честно.

Именно за это читатели любили её колонку. За то, что она не боялась называть вещи своими именами. За то, что разбивала розовые очки вдребезги, не оставляя читателю шанса на самообман.

София откинулась в кресле и позволила себе короткую улыбку. Кофе давно остыл, но она сделала глоток — горький, как и её рецензии. Чёрный, без сахара. Единственный компромисс с реальностью, который она себе позволяла.

— Светлова!

Голос Аллы Борисовны, главного редактора, разнёсся по опенспейсу раскатом грома. София даже не вздрогнула — за пять лет работы она привыкла к манере начальницы врывать в тишину без предупреждения.

Алла Борисовна, грузная женщина с вечно сбитой набок причёской и неизменной сигаретой в мундштуке — курить она выбегала на пожарную лестницу каждые сорок минут, — остановилась у стола Софии и с грохотом бросила перед ней распечатку.

— Ты это видела?

София опустила взгляд. Это был скриншот письма, отправленного на официальную почту редакции. Подпись внизу заставила её брови поползти вверх.

А. Астров.

Она пробежалась по тексту. Автор — тот самый, чей роман она только что публично препарировала, — выражал желание дать интервью. Впервые за десять лет. И настаивал, чтобы интервьюером была именно она, София Светлова.

— Это шутка? — спросила она, отодвигая распечатку.

— Это сенсация, — отрезала Алла Борисовна. — Ты хоть понимаешь, что Астров — это миф? Живая легенда, мать его. Десять лет — десять, Светлова! — ни одного интервью, ни одной фотографии, ни одной публичной встречи. О нём ходят слухи, что это коллектив авторов. Или что он — старая дева, которая пишет под мужским псевдонимом. Или что его вообще не существует.

— Может, и не существует, — пожалала плечами София. — Может, это просто маркетинговый ход издательства. Ты сама говорила — тайна хорошо продаётся.

— Не существует? — Алла Борисовна расхохоталась, выпустив клуб невидимого дыма — сигареты сейчас при ней не было, но жест остался. — А кто тогда, по-твоему, прислал это письмо? Литературный призрак?

Она облокотилась ладонями о стол и наклонилась ближе. От неё пахло табаком и духами «Красная Москва» — запах, который София ассоциировала исключительно с неприятностями.

— В общем так. В четверг, девятнадцать ноль-ноль. Закрытый книжный клуб «Между строк». Он будет ждать тебя там. И только тебя, — редактор ткнула пальцем в распечатку. — Условие: одна, без фотографов и диктофонов. Только блокнот и ручка.

— Я не работаю в таких условиях, — София отодвинулась вместе с креслом. — Это непрофессионально. Что за тайны Мадридского двора? Если он хочет интервью — пусть приходит в студию.

— Светлова, включи голову! — Алла Борисовна стукнула ладонью по столу. — Человек десять лет прячется. Десять! А тут — сам выходит на связь. И знаешь, что самое интересное?

Она сделала драматическую паузу. София демонстративно закатила глаза, давая понять, что её не купить на дешёвые спецэффекты. Но сердце — предательское сердце — уже забило быстрее.

— Он вышел на связь через час после выхода твоей рецензии, — закончила Алла Борисовна. — Ровно. Через. Час.

Повисла пауза. Где-то в глубине опенспейса зазвонил телефон, застрекотал принтер, кто-то рассмеялся над чужой шуткой. Но здесь, у стола Софии, время словно замерло.

— Он хочет поквитаться, — медленно произнесла она.

— Возможно, — не стала спорить редактор. — А возможно, ты его зацепила. Так или иначе — это материал, который взорвёт рынок. Ты представляешь заголовок? «София Светлова: эксклюзивное интервью с человеком-мифом». Тираж удвоим. А если он ещё и окажется интересным мужчиной — боже, Светлова, да ты станешь звездой!

— Мне не нужна звезда, — отрезала София. — Мне нужны факты. И хороший материал.

— Значит, договорились. Четверг, девятнадцать ноль-ноль. И не опаздывай, ради бога. Он, судя по всему, не любит ждать.

Алла Борисовна резко развернулась и направилась к выходу, но на полпути обернулась:

— И да, Светлова... Постарайся на этот раз быть... ммм... помягче. В конце концов, он — живой человек. А не просто строчки в твоей колонке.

София ничего не ответила. Когда шаги редактора стихли, она снова посмотрела на экран ноутбука. Её рецензия всё ещё висела на сайте — и судя по счётчику просмотров, набирала обороты. Читатели ставили лайки, оставляли комментарии, спорили до хрипоты в ветках обсуждений.

«София, как всегда, права!»

«Светлова — наш голос разума в мире розовых соплей!»

«Кто-нибудь знает, кто такой этот Астров на самом деле?»

Она закрыла ноутбук. В кабинете стало тихо.

Кто ты такой, А. Астров? И почему ты решил выйти из тени именно сейчас?

София встала, подошла к окну. За стеклом шумела апрельская Москва — равнодушная, торопливая, вечно куда-то спешащая. Где-то там, в этом огромном городе, жил человек, которого она никогда не видела. Человек, чьи книги продавались миллионными тиражами, чьи истории заставляли плакать даже самых чёрствых, чьё имя стало синонимом жанра «любовный роман с глубоким смыслом».

Человек, чью душу она сегодня публично вывернула наизнанку и назвала фальшивкой. И теперь он хотел встретиться.

Страх не было. Было любопытство — холодное, острое, почти хирургическое. Такое же, с каким она садилась за каждую новую рецензию. Она не боялась конфликтов. Она не боялась чужого гнева. Единственное, чего она боялась по-настоящему, — это снова поверить.

Но этому не бывать. Никогда.

София бросила взгляд на своё отражение в оконном стекле. Строгий силуэт брючного костюма, идеально уложенные тёмные волосы, острые скулы. Она выглядела так, словно сошла с обложки делового журнала — собранная, уверенная, недосягаемая. Именно такой она хотела казаться миру. Именно такой она стала за пять лет после того, что случилось.

— Ну что ж, господин Астров, — произнесла она вслух, не отрывая взгляда от своего отражения, — посмотрим, кто из нас настоящий профессионал.

Где-то на другом конце Москвы, в квартире с панорамными окнами и стенами, заставленными книгами от пола до потолка, мужчина смотрел на тот же заголовок.

Он прочитал рецензию трижды. В первый раз — с гневом. Во второй — с любопытством. В третий — с чем-то похожим на восхищение. Эта женщина умела жалить. Её слова впивались под кожу и оставались там, пульсируя тупой болью. Но ещё она была умна. Чертовски умна. И абсолютно, непробиваемо цинична.

Именно это и было ему нужно.

Артём Ростов — человек, которого мир знал как А. Астрова, — отодвинул ноутбук и взял в руки старую фотографию в деревянной рамке. Снимок десятилетней давности: он, улыбающийся, и хрупкая светловолосая женщина, прижимающаяся к его плечу. Его невеста. Его любовь. Его так и не случившееся будущее.

Он смотрел на фото долго, очень долго. Затем аккуратно положил его в ящик стола и закрыл на ключ.

«Любовь не исцеляет. Вы правы, госпожа Светлова, — подумал он. — Но вы даже не представляете, насколько вы правы».

Он встал, подошёл к окну. Там, внизу, текла та же апрельская Москва. Где-то в этом городе прямо сейчас сидела женщина, которая только что публично назвала его книги — его душу — «слащавым самообманом». Женщина, которая не верила в любовь так же жаростно, как он когда-то верил.

Возможно, именно она была ему нужна. Возможно, именно ей он сможет рассказать то, что не рассказывал никому. Возможно...

Он оборвал мысль на полуслове. Никаких «возможно». Только факты. Только чёткий план. Пари, которое он ей предложит, — не шутка и не месть. Это проверка. На прочность. На честность. На способность чувствовать.

Потому что, если она не способна чувствовать — он поймёт это сразу. И уйдёт, не оглядываясь. А если способна...

Артём усмехнулся собственному отражению. Если способна — значит, ещё не всё потеряно. И для неё, и для него.

До четверга оставалось три дня.

Три дня до того момента, как два циника, два профессионала, два человека с разбитыми сердцами сядут друг напротив друга и начнут игру, правила которой ещё никто не придумал. Игру, в которой не будет победителей. Игру, в которой проигравший обретёт всё.

Но пока они оба этого не знали.

Пока они просто смотрели на один и тот же дождливый московский вечер и думали друг о друге.

Глава 2. Человек без лица

София Светлова шла на встречу с легендой, вооружившись блокнотом, ручкой и абсолютной уверенностью в собственной правоте. Она ещё не знала, что легенды имеют свойство разрушаться при первом же столкновении с реальностью — особенно если реальность эта носит имя Артём Ростов и смотрит на тебя так, словно видит насквозь.

Книжный клуб «Между строк» прятался в одном из арбатских переулков так умело, что София дважды прошла мимо нужной двери. Никакой вывески, только старая бронзовая табличка с выгравированной строкой из Бродского: «*Не выходи из комнаты, не совершай ошибку*». Она хмыкнула — любимая цитата её редактора Аллы Борисовны, которую та вешала на каждый дедлайн, и толкнула массивную деревянную дверь.

Внутри пахло старой бумагой, воском и едва уловимым сандалом. Полутьма расступалась неохотно, обнажая бесконечные стеллажи, уходящие под потолок, и узкую винтовую лестницу, теряющуюся где-то вверху. Где-то тикали напольные часы — старые, с маятником, отсчитывающие не столько время, сколько вечность.

— Вы, должно быть, София Светлова.

Голос раздался откуда-то слева, из алькова, скрытого бархатной портьерой. София повернулась и замерла.

Она ожидала увидеть кого угодно. Стареющего денди с шейным платком. Лысеющего профессора в твидовом пиджаке. Уставшую женщину за пятьдесят, прячущуюся за мужским псевдонимом. Она перебрала в голове десяток версий — все те, что годами муссировала литературная общественность.

Реальность не совпала ни с одной.

Перед ней стоял мужчина лет тридцати пяти. Высокий, поджарый, в тёмном свитере с высоким горлом и простых чёрных джинсах. Никакой «литературной» атрибутики — ни очков в роговой оправе, ни шарфа, ни трубки. Только резко очерченные скулы, твёрдая линия рта и глаза — светлые, серо-стальные, смотревшие на неё с холодным, оценивающим прищуром.

Он не был красив в привычном глянцевого смысле. Он был... опасен. Так опасны старые зеркала, в которых не знаешь, увидишь ли собственное отражение или чужую тень.

— А вы, должно быть, тот самый миф, — ответила София, беря себя в руки. — Или всё-таки коллектив авторов? Я слышала, вас как минимум трое.

— Всего один. Но, уверяю вас, этого достаточно.

Он отступил вглубь алькова, жестом приглашая её следовать за ним. Там обнаружился круглый стол, два кресла, торшер с абажуром цвета бордо и маленький столик с графином воды и двумя стаканами. Никаких диктофонов, никаких камер — всё, как он и требовал.

София села, положила блокнот на стол, демонстративно раскрыла его на чистой странице. Ручка легла под пальцы привычным холодком.

— Итак, господин Астров. Или мне называть вас по имени? — она подняла бровь. — Вы ведь понимаете, что после десяти лет молчания первый вопрос, который я обязана задать, — «почему сейчас»?

Он сел напротив. Не развалился, не скрестил руки на груди — просто сел, положив ладони на подлокотники, и уставился на неё с той же холодной внимательностью.

— Потому что вы написали правду.

София опешила, но не подала виду. За пять лет в журналистике она научилась держать лицо даже тогда, когда собеседник выбивал почву из-под ног.

— Простите? — переспросила она нейтрально. — В моей рецензии не было ни слова правды. Я назвала ваш роман «слащавым самообманом» и «картонной сказкой для инфантильных мечтателей». Вы это называете правдой?

— Нет. — Он чуть наклонил голову. — Правда в том, что вы не верите ни единому слову из того, что написали.

В комнате стало тихо. Часы за стеной пробили четверть — низкий, тягучий звук прокатился по тишине и затих.

— Объяснитесь, — произнесла София ледяным тоном.

— С удовольствием. — Артём взял стакан с водой, сделал глоток, не сводя с неё глаз. — Вы написали, что любовь не исцеляет. Что это «бой без правил». Что мои герои — «картонные фигурки», а их чувства — «сентиментальный самообман». Всё верно?

— Допустим.

— Это не литературная критика, София. — Он впервые назвал её по имени, и от этого простого жеста по спине пробежал холодок. — Это попытка убедить саму себя. Вы не со мной спорите. Вы спорите с кем-то, кто когда-то причинил вам боль. И вы кричите на весь мир, что любви не существует, только для того, чтобы больше никогда не обжечься.

София почувствовала, как внутри поднимается волна гнева — горячая, почти неуправляемая. Она подавила её усилием воли и улыбнулась — той самой опасной улыбкой, которую коллеги называли «улыбкой кобры перед броском».

— Знаете, господин Астров, — произнесла она, отчеканивая каждое слово, — это очень удобная позиция. Обвинить критика в личных травмах — и можно не отвечать за качество текста. Вы, кажется, забыли, что я профессионал. А профессионалы не проецируют. Они анализируют.

— Профессионалы не проецируют, — согласился он. — Но вы не просто профессионал. Вы — человек, который боится.

— Я не боюсь.

— Бойтесь. — Он подался вперёд, и в серых глазах мелькнуло что-то, чего она не смогла распознать. — Бойтесь признать, что где-то глубоко внутри вам хочется, чтобы всё, о чём я пишу, оказалось правдой. Чтобы любовь действительно могла исцелять. Чтобы можно было довериться — и не получить удар в спину. Чтобы однажды проснуться утром и понять: вот он, тот самый человек, с которым можно снять доспехи.

Слова падали в тишину, как камни в воду. София смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то дрожит. Не от страха — от ярости. От того, что он попал. Попал в самую точку, в которую она сама себе запрещала целиться.

— А вы, значит, верите во всё это? — спросила она с издевкой. — Вы, человек, который десять лет прятался от мира? Вы пишете про доверие, но сами боитесь показать лицо. Где логика?

— Логика в том, что я знаю цену словам, — ответил он тихо. — Я пишу про то, что потерял. А вы пишете про то, во что боитесь поверить. Кто из нас честнее?

Повисла пауза. София поняла, что интервью давно перестало быть интервью. Это была дуэль. И она не собиралась проигрывать.

— Хорошо, — сказала она, захлопывая блокнот. — Я, кажется, поняла, зачем вы меня позвали. Вы хотели не интервью. Вы хотели высказать мне всё, что думаете о моей рецензии. Что ж, вы высказались. Я услышала. Могу я идти?

Она начала подниматься, но он остановил её коротким движением ладони.

— Подождите. Я позвал вас не для того, чтобы спорить.

— А для чего же?

Он помолчал. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня — резкие тени, плотно сжатые губы, напряжённый взгляд.

— Я хочу предложить вам пари, — произнёс он наконец.

София замерла. Медленно, очень медленно опустила обратно в кресло.

— Пари? — переспросила она. — Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— Что за пари?

Он выдержал паузу, как заправский рассказчик, и София вдруг поняла, что перед ней не просто писатель. Перед ней человек, который знает, как держать внимание зала. Даже если зал состоит из одного-единственного зрителя.

— Месяц, — сказал он. — Тридцать дней. За это время я организую для вас тридцать свиданий. Каждое — по мотивам одного из классических романтических сюжетов. Прогулка под дождём, ужин при свечах, встреча на крыше, танец в пустом зале — всё, что вы высмеиваете в своих рецензиях. Всё, во что вы не верите.

— Вы в своём уме? — вырвалось у неё.

— Возможно, нет. Но это не важно. Важно другое: если по истечении месяца вы не влюбитесь, я публично признаю вашу правоту. Напишу статью, дам интервью, выступлю с заявлением — что угодно. «София Светлова была права, А. Астров — создатель слащавых сказок, не имеющих отношения к реальности». Представляете заголовок?

Представила. И заголовок, и тираж, и реакцию читателей. Это была бы бомба. Та самая сенсация, о которой говорила Алла Борисовна. Вот только...

— А если я... — она запнулась. — Что, если по истечении месяца что-то изменится?

— Если вы влюбитесь, — он произнёс это просто, без усмешки, без вызова, — то вы публично признаете, что были неправы. Что любовь существует. Что она стоит того, чтобы в неё верить. Что мои книги — не сказки, а... скажем так, допустимая реальность.

София расхохоталась. Смех вышел резким, почти лающим — так она смеялась только в моменты крайнего удивления.

— Вы это серьёзно? Месяц свиданий — и я влюблюсь? В вас?

— Бойтесь проиграть? — Он пожал плечами.

— Я не боюсь, — отрезала она. — Я просто не понимаю, зачем вам это. В чём ваша выгода?

Он ответил не сразу. Встал, подошёл к окну — там, за тяжёлыми шторами, угадывался вечерний город, мокрый после недавнего дождя. Когда он снова повернулся к ней, в его глазах читалось что-то, чего она не ожидала увидеть. Не азарт игрока. Не самодовольство победителя. Что-то другое.

— Моя выгода в том, чтобы доказать самому себе, что я не зря пишу, — сказал он тихо. — Что всё, о чём я рассказываю, — возможно. Хотя бы для кого-то. Хотя бы для вас.

В комнате снова стало тихо. София смотрела на него и чувствовала, как где-то глубоко внутри, под слоями брони, которые она выстраивала годами, шевелится что-то похожее на... интерес? Любопытство? Азарт?

— И каковы условия? — спросила она, поражаясь собственным словам. — Технически. График свиданий? Правила поведения?

Он едва заметно улыбнулся — первый признак человеческих эмоций за весь вечер.

— Правил немного. Первое: честность. Вы не притворяетесь, я не притворяюсь. Если в какой-то момент захочется всё прекратить — скажите об этом прямо. Второе: свидания происходят на моей территории, но вы в любой момент можете отказаться от любого из них. Третье...

Он выдержал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на вызов.

— Третье: никакой физической близости, пока вы сами этого не захотите. И не просите.

София вспыхнула. От возмущения или от смущения — она сама не поняла.

— Можете не волноваться, господин Астров. Этого не случится.

— Вот и договорились. Тогда осталось только одно. — Он взял со стола салфетку — простую тканевую салфетку, лежавшую под графином, — и ручку. Быстро, размашисто написал несколько строк.

«Контракт. Я, София Светлова, обязуюсь принять участие в тридцатидневном эксперименте по проверке существования любви. В случае проигрыша (влюблённости) — публично признаю правоту А. Астрова. В случае победы — А. Астров публично признаёт мою правоту. Срок — 30 дней с момента подписания».

Внизу он поставил свою подпись: *А. Астров*, — и протянул салфетку Софии.

Она пробежалась глазами по тексту. Коротко. Ясно. По-деловому. И в то же время — абсолютно безумно.

— Вы понимаете, что это шутка? — спросила она, беря ручку. — Что никакой юридической силы эта бумажка не имеет?

— Любовь вообще не имеет юридической силы, — пожал он плечами. — Но люди почему-то продолжают в неё верить. Или не верить — как в вашем случае.

София посмотрела на салфетку. Потом на него. Потом снова на салфетку.

«Я не собираюсь влюбляться, — сказала она себе. — Это невозможно. Это даже не риск. Это просто игра. Спектакль. Ещё один материал, который я потом опишу в своей колонке — и все посмеются вместе со мной над безумным писателем, который думал, что сможет растопить лёд».

Она поставила подпись. Росчерк вышел резким, чуть наискось — такой же, как и всё в её жизни.

— Готово, — сказала она, пододвигая салфетку к нему. — И что теперь?

Он взял салфетку, аккуратно сложил пополам и убрал в нагрудный карман. Жест вышел почти церемониальным.

— Теперь, — ответил он, глядя ей прямо в глаза, — первое свидание. Завтра, девятнадцать ноль-ноль. Я пришлю вам адрес. И, София...

— Что?

— Постарайтесь хотя бы на один вечер забыть, что вы — критик. Просто будьте собой. Той собой, которой вы были до того, как решили, что любовь — это самообман.

Она не ответила. Поднялась, взяла сумку, пошла к выходу. У самой двери обернулась.

— Знаете, в чём ваша ошибка, господин Астров?

— В чём же?

— Вы думаете, что я когда-то верила в любовь, а потом разочаровалась. — Она усмехнулась, и усмешка вышла почти печальной. — Но правда в том, что я никогда в неё не верила. С самого начала. Так что ваш эксперимент обречён.

И, не дожидаясь ответа, она шагнула за порог.

Дверь закрылась за ней с глухим стуком. Артём остался один в полумраке книжного клуба. Он вынул салфетку из кармана, развернул, посмотрел на две подписи.

«Никогда не верила», — повторил он про себя её слова.

Что ж. Тем интереснее будет наблюдать за тем, как она начнёт.

Он убрал салфетку обратно, потушил торшер и вышел в вечернюю Москву. Завтрашний день обещал стать началом чего-то нового. Чего-то, что изменит их обоих.

Даже если пока они оба об этом не догадывались.

Глава 3. Правила игры

София получила адрес первого свидания ровно в полдень — короткое сообщение без подписи, без эмодзи, без единого лишнего слова. Она ещё не знала, что самое опасное в этой игре — не сами свидания, а то, что происходит между ними. То, что не вписывается ни в какие правила.

Кафе называлось «У моста» и пряталось в одном из тех тихих замоскворецких переулков, куда туристы не доходят, а москвичи добираются только по большой любви или случайности. София толкнула стеклянную дверь, и над головой мелодично звякнул колокольчик — старомодный, медный, явно помнивший времена, когда здесь была булочная или аптека.

Внутри пахло корицей и свежей выпечкой. Тёплый свет лился из-под матерчатых абажуров, на окнах висели клетчатые занавески, а стены украшали старые фотографии Москвы — той, которой давно не существует. За дальним столиком, у окна, выходящего на обмелевший канал, сидел Артём.

Она узнала его мгновенно — по тому же тёмному свитеру, по резкой линии плеч, по тому, как он, не читая и не глядя в телефон, просто смотрел на дверь. Ждал её. От этого простого осознания внутри что-то неприятно ёкнуло.

— Вы пунктуальны, — сказал он вместо приветствия, поднимаясь при её приближении. — Уже плюс.

— Я профи, — ответила София, опускаясь на стул напротив. — А профи не опаздывают.

— Даже на свидания, в которые не верят?

— *Особенно* на свидания, в которые не верят. Это вопрос репутации.

Он чуть улыбнулся — той же скупой, едва заметной улыбкой, что и в прошлый раз. София поймала себя на мысли, что хочет увидеть, как он смеётся по-настоящему. И тут же одёрнула себя: «Соберись, Светлова. Это просто игра».

Подошла официантка — совсем юная, с веснушками и смешным пучком рыжих волос. Протянула меню. София заказала капучино, Артём — чёрный чай без сахара.

— Чай? — удивилась она. — Я думала, писатели пьют только кофе. Лучше чёрный, лучше без сахара, лучше литрами.

— Я не типичный писатель.

— Да уж заметно. Типичные писатели не прячутся от мира по десять лет.

— Типичные писатели не подписывают контракты на салфетках, — парировал он.

Принесли напитки. Кофе оказался на удивление хорош — мягкий, с ореховым послевкусием. София сделала глоток и поймала себя на том, что рассматривает Артёма внимательнее, чем позволяют приличия. При дневном свете, а за окном ещё только сгущались апрельские сумерки, он выглядел иначе. Менее опасным, но более... живым? На левом виске серебрилась тонкая ниточка шрама, которую она не заметила в полумраке книжного клуба. И морщинки у глаз, когда он щурился, — не старческие, а такие, какие появляются от долгого вглядывания вдаль.

— Итак, — прервала она затянувшуюся паузу, — каковы правила первой игры?

— Игры? — он поставил чашку на блюдце, и жест вышел почти церемониальным. — Сегодня никаких игр. Сегодня мы просто два случайных попутчика, которые встретились в кафе.

— Попутчика?

— Да. Представьте, что мы не знакомы. Что вы зашли сюда согреться после долгой прогулки, а я уже сидел у окна. Вы спросили, свободно ли место. Я ответил «да». И мы разговорились.

— И о чём же разговаривают случайные попутчики?

— О чём угодно. О погоде. О книгах. О том, почему апрель в Москве всегда пахнет сыростью и обещаниями.

София хмыкнула. Потянулась за чашкой, сделала ещё глоток. Он умел говорить — этого она не могла не признать. Умел строить фразу так, что она повисала в воздухе, оставляя после себя лёгкое эхо.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте представим, что мы незнакомы. Тогда у меня к вам первый вопрос. Вы верите в любовь с первого взгляда, незнакомец?

Он ответил не сразу. Посмотрел в окно, где за стеклом уже зажглись первые фонари, и в их свете его глаза показались почти прозрачными.

— Нет, — сказал он наконец. — Я верю в узнавание с первого взгляда. Это другое.

— Что за узнавание?

— Когда вы смотрите на человека и понимаете: где-то, когда-то — возможно, в другой жизни, возможно, в детстве, возможно, во сне — вы уже встречались. И вот теперь просто узнаете друг друга. Это не вспышка. Это... эхо.

— Красиво, — признала она. — Но звучит как цитата из вашего же романа.

— Возможно, так и есть. Я часто краду у самого себя.

— А я думала, писатели крадут у жизни.

— Жизнь, — он повернулся к ней, и взгляд стал острым, изучающим, — штука ненадёжная. Она постоянно подсовывает сюжеты, которые невозможно пересказать, не соврав. Реальность слишком... нелогична для литературы.

— Поэтому вы пишете сказки?

— Поэтому я пишу то, во что хотел бы верить.

Она поймала себя на том, что улыбается — искренне, не профессиональной «улыбкой кобры», а просто уголками губ.

— А что насчёт вас? — вдруг спросил он, подаваясь чуть вперёд. — Вы когда-нибудь узнавали кого-то? С первого взгляда?

— Нет. Я вообще редко смотрю людям в глаза. Привычка критика: если смотришь слишком долго — начинаешь сочувствовать. А сочувствие мешает работе.

— Значит, вы разучились сочувствовать?

— Я не разучилась. Я просто не применяю этот навык без необходимости.

— А что для вас «необходимость»?

— Когда человек настоящий, — сказала она, сама не ожидая от себя такого ответа. — Когда он не играет роль. Когда он не пытается казаться лучше или хуже, чем есть. Когда он просто... есть.

— И как часто вы встречали таких людей?

— Дайте подумать. — Она сделала вид, что задумалась. — Никогда.

— Никогда?

— Ни единого раза. Все играют. Все носят маски. Кто-то — маску успешного, кто-то — маску циника, кто-то — маску романтика. — Она выразительно посмотрела на него. — И я не исключение.

Он не обиделся. Откинулся на спинку стула, взял чашку, сделал глоток. За окном по набережной прошла пара — мужчина и женщина, держась за руки. Они смеялись чему-то, и их смех был слышен даже сквозь стекло.

— Знаете, в чём парадокс, София? — спросил он тихо.

— В чём же?

— Вы говорите, что все играют. Что масок не снимает никто. Но при этом вы зашли в это кафе, зная, что я предложил вам игру. И вы согласились. Зачем?

Она открыла рот, чтобы ответить — и не нашлась. Потому что ответ, который лежал на поверхности — «ради материала», «ради карьеры», «ради сенсации», — вдруг показался недостаточным. Мелким. Не соответствующим тому, что происходило здесь и сейчас.

— Не знаю, — сказала она честно. — Возможно, мне стало скучно. Возможно, я захотела проверить себя. Возможно...

— Возможно, вы просто устали, — закончил он за неё. — Устали быть циником. Это тяжёлая работа — постоянно носить доспехи.

— Кто бы говорил, — усмехнулась она. — Вы сами десять лет прятались от мира. Какие у вас доспехи, господин Астров?

— Самые надёжные, — ответил он без тени улыбки. — Невидимость.

Она не нашлась, что ответить. В кафе стало тихо. Где-то тихо играла музыка — что-то джазовое, с саксофоном, очень старое. Официантка сновала между столиков, за окном темнело, и фонари отражались в тёмной воде канала длинными дрожащими полосами.

— Можно вопрос? — спросила София.

— Конечно.

— Почему вы решили раскрыться именно сейчас? Именно передо мной?

Он долго молчал. Так долго, что она уже подумала, что он не ответит. Потом он вдруг произнёс — негромко, но очень отчётливо:

— Потому что вы написали правду, которую я сам себе боялся сказать.

— Я же говорила: моя рецензия была ложью.

— Нет. Главное в ней было правдой. — Он поднял на неё глаза. — Вы написали, что любовь не исцеляет. Я знаю это лучше кого бы то ни было. Любовь действительно не исцеляет. Она только делает раны видимыми. Обнажает их, если хотите. И это самое страшное.

— Тогда зачем вы пишете про неё?

— Потому что, — он запнулся, подбирая слова, — потому что если любовь не исцеляет, это не значит, что её нет. Она есть. Просто она не врач. Она — зеркало.

В этом месте, в этот момент, с этими словами он вдруг перестал быть «загадочным господином Астровым». Он стал просто человеком — уставшим, осторожным, прячущим что-то глубоко внутри. И София впервые за долгое время почувствовала что-то, чему не могла подобрать названия.

— Вы говорите как человек, который знает это на собственном опыте, — тихо сказала она.

— Так и есть. Но эта история — для другого свидания.

— Если оно будет.

— Будет. Если вы, конечно, не захотите прервать эксперимент прямо сейчас.

Она покачала головой. Сама не зная почему.

— Нет. Продолжим.

— Тогда следующий пункт нашей программы. — Он полез во внутренний карман и достал книгу. Небольшую, в мягкой обложке, с потёртым корешком — явно читанную и перечитанную не один раз.

— «Грозовой перевал», — прочитала она на обложке. — Серьёзно?

— Одна из самых честных книг о любви, — сказал он. — Хотя и не самых весёлых.

— Я её читала.

— Я знаю. Но эту книгу читал я. — Он протянул ей томик. — Здесь на полях мои заметки. Мои мысли, мои споры с автором. Я хочу, чтобы вы прочитали её ещё раз. Не для рецензии. Просто прочитали. И узнали меня немного ближе.

София взяла книгу. Она была тёплой — видимо, долго лежала во внутреннем кармане. Открыла наугад — и наткнулась на мелкий, бисерный почерк на полях: «*А была ли это любовь? Или только жажда обладания, принятая за чувство?*» Закрыла. Подняла глаза.

— Вы даёте мне свою личную книгу? С пометками?

— Да. Это улика. Против меня.

— Зачем?

— Затем, что игра должна быть честной. Вы рискуете репутацией. Я рискую... собой.

Он сказал это так просто, что она почти поверила. Почти.

— Хорошо, — сказала она, убирая книгу в сумку. — Я прочитаю. А что дальше? Второе свидание?

— Второе свидание будет послезавтра. И, предупреждаю сразу: оно будет другим. Не таким уютным.

— А каким же?

— Мокрым. — В его глазах впервые мелькнула искра чего-то похожего на мальчишеское озорство. — Вы не боитесь дождя?

— Я не боюсь ничего, — ответила она автоматически.

— Вот и славно. Потому что послезавтра, согласно прогнозу, обещают ливень.

Они расплатились. Вышли на улицу. Вечерняя Москва встретила их сырым ветром и запахом мокрого асфальта. Фонари горели вполне адекватно, и город казался декорацией к старому чёрно-белому фильму.

— Я провожу вас до метро, — сказал он.

— Не надо. Я сама.

— София. Это просто проводы до метро. Это не считается за второе свидание.

Она не стала спорить. Они пошли по набережной — медленно, молча, слушая, как под ногами шуршит гравий, а где-то вдалеке, за мостом, гудит электричка. Он шагал чуть позади, и она чувствовала его присутствие спиной — тёплое, ненавязчивое, не требующее ничего взамен.

У входа на станцию она обернулась.

— Артём... можно ещё один вопрос?

— Конечно.

— На том свидании, послезавтра... вы будете играть или будете собой?

Он помолчал. Потом чуть улыбнулся — и в этой улыбке было что-то, чего София не могла понять.

— Я попробую, — сказал он. — Попробую быть собой. Если вы тоже попробуете.

И ушёл, не дожидаясь ответа. Высокая фигура растаяла в сумерках набережной, а она ещё долго стояла у стеклянных дверей метро, глядя ему вслед.

В сумке лежал «Грозовой перевал» — книга, пахнущая старыми страницами и чужими мыслями. И где-то там, на полях, между строк о несчастной любви и разрушительной страсти, прятался человек, которого мир знал как А. Астрова, а она начинала узнавать как Артёма.

Впервые за много лет Софии Светловой захотелось прийти домой не для того, чтобы работать. А для того, чтобы читать.

Просто читать.

И узнавать.

Дома она заварила ромашковый чай, накинула плед, села в кресло и открыла книгу на первой странице. Та пахла временем и едва уловимо — сандалом. Тем самым запахом из книжного клуба.

На форзаце — несколько строк, написанных от руки:

«Эмили Бронте сказала: „Я — это Хитклиф“. А я говорю: в каждом из нас живёт и Хитклиф, и Кэтрин. Вопрос в том, кого мы выпускаем наружу. И кого выбираем — чтобы любить».

Ниже — дата. Пятилетней давности.

София перевернула страницу и начала читать. И где-то к середине первой главы поняла, что читает не книгу. Она читает человека. С каждой пометкой на полях, с каждым подчёркнутым словом, с каждым вопросительным знаком Артём Ростов становился всё более реальным — и всё более непостижимым.

Она не заметила, как за окном погасли фонари и город погрузился в ту самую глубокую предрассветную тишину, когда даже собаки перестают лаять. Она не заметила, как остыл чай. Она не заметила ничего — потому что впервые за много лет занималась тем, что не имело отношения к работе, рецензиям, дедлайнам и репутации.

Она просто читала.

Просто узнавала.

И это было самое опасное свидание из всех возможных.

Глава 4. Колесо обозрения и детские страхи

София ненавидела сюрпризы. Но ещё больше она ненавидела признаваться себе в том, что некоторые сюрпризы способны пробить даже самую надёжную броню — особенно если они начинаются с детской карусели, а заканчиваются на вершине колеса обозрения под проливным дождём.

Парк аттракционов на ВДНХ встретил их запахом сладкой ваты, попкорна и мокрого асфальта. Тучи сгустились над городом с самого утра, и прогноз обещал грозу к вечеру, но Артём в своём утреннем сообщении был непреклонен: «Форма одежды — походная. Зонт брать запрещаю. Свидание состоится при любой погоде».

София прочитала это сообщение трижды, хмыкнула и надела непромокаемую куртку — единственную уступку здравому смыслу.

Она нашла его у входа, возле старой арки с неоновыми буквами. Сегодня он был в тёмно-синем свитере и лёгкой ветровке, и в руках держал два бумажных стаканчика. При виде Софии протянул ей один.

— Глинтвейн? — удивилась она, втягивая пряный запах.

— Просто горячий яблочный сидр с корицей. Согревает не хуже.

— Вы предусмотрительны.

— Я писатель. У меня по определению должна быть фантазия.

— Фантазия — да. Но не обязательно забота.

— Забота — это та же фантазия. Только направленная на другого человека.

Она сделала глоток и ничего не ответила. Сидр был обжигающим, сладким, с горчинкой — идеальное начало для вечера, который обещал быть как минимум необычным.

Они прошли через турникеты. Парк жил своей вечерней жизнью: крутились карусели, визжали подростки на цепочной карусели, мерцали гирлянды, перемигиваясь с первыми каплями дождя, уже начинавшими срываться с неба.

— Итак, — София допила сидр и выбросила стаканчик в урну, — какая программа? Я так понимаю, это не просто прогулка под дождём.

— Вы правы. — Артём указал в сторону тира, где на стене висели плюшевые игрушки всех мастей и размеров. — Первое задание: я выигрываю вам приз.

— Зачем?

— Так положено. — Он пожал плечами. — Любое классическое свидание в парке аттракционов включает пункт «кавалер выигрывает для дамы игрушку». Это закон жанра.

— Я не дама. И уж точно не ваша.

— А я и не говорил, что вы моя. Я просто следую сценарию. Позвольте?

И он направился к тиру с таким видом, будто всю жизнь только и делал, что сбивал жестяные мишени. София закатила глаза, но пошла следом.

Тирщик — пожилой мужчина в кепке и фартуке — оживился при виде посетителей. Артём взял винтовку, прицелился, выстрелил — мимо. Второй выстрел — снова мимо. Третий — жестяная утка покачнулась, но не упала.

— Может, с десяти шагов? — не удержалась София.

— Я просто разминаюсь.

— Разминайтесь быстрее. Дождь усиливается.

И правда — капли теперь падали чаще, барабания по металлической крыше тира. Артём сделал ещё пять выстрелов. Ни одного точного попадания.

— Вы, кажется, не учли этот пункт в своём сценарии, — заметила София, когда он с мрачным видом отдал винтовку.

— В жизни всегда есть место импровизации.

— Особенно когда не умеешь стрелять.

— Я умею. Но эти винтовки... они специально кривые.

— Конечно-конечно.

Они двинулись дальше. Прошли мимо комнаты смеха с кривыми зеркалами, мимо американских горок, с которых с визгом съезжали вагонетки. Дождь тем временем перестал быть лёгкой моросью и превратился в уверенный, плотный ливень. Артём, не спрашивая разрешения, стянул с себя ветровку и накинул на плечи Софии.

— Не надо, — запротестовала она.

— Надо. У меня свитер тёплый. А вы в куртке, но я вижу, что она уже промокла.

— Это забота или сценарий?

— Это инстинкт. Он не подчиняется законам жанра.

Она хотела возразить, но тёплая ткань, ещё хранившая его тепло, обернула плечи с неожиданным уютом. София промолчала.

— Смотрите, — вдруг сказал он. — Колесо обозрения работает.

Она подняла голову. Огромное колесо, подсвеченное сотнями лампочек, медленно вращалось в пелене дождя, унося кабинки в серое небо. Зрелище было странным — почти сюрреалистичным, как картина, которую кто-то написал специально для них.

— Нет, — сказала она быстрее, чем подумала.

— Что «нет»?

— Я не хочу на колесо.

— Почему?

— Потому что... — она замялась. — Просто не хочу.

Артём внимательно посмотрел на неё. В свете неоновых огней его лицо казалось вырезанным из старого дерева — резким, контрастным, непроницаемым.

— София, — сказал он тихо. — Я помню условия. Вы в любой момент можете отказаться. Но... вы уверены? Это ведь просто колесо. Классика.

— Я...

Она посмотрела на кабинки. На то, как они поднимаются. На то, как далеко внизу остаётся земля. И внутри что-то сжалось — холодное, липкое, знакомое до тошноты.

— Я боюсь высоты, — произнесла она наконец — тихо, почти шёпотом, сама не ожидая от себя такой честности. — С детства. Глупо, правда?

— Совсем не глупо. — Он шагнул ближе. — Но знаете... иногда лучший способ победить страх — посмотреть ему в лицо. С кем-то рядом.

— Красивая фраза. Тоже из вашего романа?

— Нет. Просто правда.

Он не настаивал. Просто стоял рядом, держа над ней свою ветровку, и дождь стекал с его волос на лоб, на щёки, на тёмную ткань свитера. И она вдруг поняла: он не давит. Не уговаривает. Он ждёт. Ждёт её решения — настоящего.

— Хорошо, — выдохнула София, сама себе удивляясь. — Но если я запаникую, вы меня отсюда вытащите.

— Обещаю.

Они подошли к платформе. Контролёр — сонный подросток в промокнувшей униформе — кивнул и пропустил их в кабинку. Та оказалась маленькой, тесной, обшитой деревом, с двумя сиденьями друг напротив друга. Стекло запотело сразу, как только они сели. Колесо дёрнулось и медленно поползло вверх.

София вцепилась в край сиденья.

— Всё хорошо, — сказал Артём. — Пока мы едем вверх, всё нормально. Мы просто смотрим на город.

Город распахивался внизу, как старая карта: мокрые крыши, деревья, цепочки фонарей, убегающая вдаль лента проспекта. Всё было размыто дождём, подёрнуто серой дымкой. Красиво. Очень красиво. Но София не могла оторвать взгляд от того, как земля отдаляется. Как кабинка поднимается всё выше и выше. Как между ней и асфальтом — только воздух.

— Зачем вы это делаете? — спросила она сквозь сжатые зубы.

— Что именно?

— Всё это. Пари. Свидания. Игрушки в тире. Колесо. Зачем вам это?

Он молчал долго. Кабинка прошла половину круга и теперь замерла где-то на уровне верхушек деревьев.

— Потому что я сам когда-то разучился верить, — сказал он наконец. — И мне кажется, что если я докажу вам, что в этих простых вещах есть смысл, — тогда, возможно, докажу и себе.

— И как? Получается?

— Пока не знаю. Но я вижу, как вы смотрите на город. И мне кажется, вы видите его красивым.

Она перевела взгляд на него. Мокрые волосы прилипли к вискам. Свитер потемнел от влаги на плечах. Глаза — светлые, почти прозрачные — смотрели на неё не оценивающе, а... с любопытством? С надеждой? Она не могла подобрать слово.

— Это не...

Договорить она не успела. Кабинка вздрогнула, дёрнулась и остановилась. Мотор загудел и смолк. Лампочки мигнули.

— Что случилось? — спросила София резко.

Артём глянул вниз. Платформа была далеко, крошечные фигурки контролёров что-то кричали, размахивали руками.

— Кажется, гроза вырубилла электричество, — сказал он спокойно. — Такое бывает.

— Что?!

— Тише. Это временно. Сейчас запустят резервный генератор.

Но время шло, а генератор не запускался. Дождь барабанил по крыше кабинки — громко, настойчиво, с каждой минутой всё сильнее. И вместе с дождём в душе Софии нарастала паника.

Сначала это было просто учащённое сердцебиение. Потом — холод в пальцах. Потом воздух вдруг стал густым, вязким, и каждый вдох давался с трудом. Она смотрела на высоту за стеклом — и видела не ВДНХ, не Москву, не дождь.

Она видела себя — маленькую, шестилетнюю, на балконе старой дачи. Отец поднял её на руки, посадил на перила и сказал: «Смотри, как высоко! Это не страшно, я тебя держу». Она смотрела вниз — туда, где под ногами зияла пропасть. И вдруг его рука — случайно? — ослабла. Или ей показалось, что ослабла. Но страх ударил, как током, и она закричала. С того дня высота стала её личным адом.

— София. София, посмотрите на меня.

Голос Артёма пробился сквозь шум дождя и паники. Она перевела взгляд — и утонула в его глазах.

— Дышите. Медленно. Вдох — раз, два, три. Выдох — раз, два, три.

— Я не могу... Я...

— Можете. Вдох. Вот так. Ещё раз.

Он взял её ладони в свои. Его руки были тёплыми и сухими, несмотря на сырость. Она вцепилась в них, как в спасательный круг, и попыталась дышать.

— Вы не на балконе, — сказал он тихо. — Вы не одна. И мы не упадём. Эта кабинка выдерживает ураган. А дождь — это просто вода. Слышите? Просто вода.

Она слушала его голос. Не слова — именно голос. Низкий, спокойный, ритмичный. Как колыбельная, которую ей никто не пел.

— Хотите сказку? — спросил он вдруг.

— Что?

— Сказку. Я иногда сочиняю их... когда работа не идёт. Помогает.

— Вы сумасшедший.

— Возможно. Но это лучше, чем паника. Итак. Слушайте...

Он откашлялся и заговорил — тихо, размеренно, мерно покачивая их сцепленные руки в такт словам.

«В одном городе, очень похожем на этот, жил человек, который боялся высоты. Он никогда не поднимался выше второго этажа. Не летал на самолётах. Не смотрел на звёзды, потому что боялся, что небо затянет его в себя. Но однажды он встретил женщину, которая боялась того же самого. И они решили, что победят страх вместе. Они пошли к самому высокому колесу обозрения в городе. Сели в кабинку. И когда колесо остановилось на вершине, они посмотрели друг на друга — и вдруг поняли, что высота исчезла. Остались только двое. И дождь. И город внизу, который стал их общим воспоминанием...»

София слушала. Слёзы, которые скопились в уголках глаз, мешали видеть, но она не вытирала их. Боялась разорвать контакт — его руки, его голос, его присутствие.

— Это очень глупая сказка, — прошептала она.

— Знаю. Но вы дышите. А значит, она работает.

И тут — внезапно, резко — колесо дёрнулось и медленно поползло вниз. Зажёгся свет в кабинке. Где-то далеко внизу зааплодировали. Артём улыбнулся.

— Ну вот. Резервный генератор. А вы боялись.

— Я не боялась, — сказала она, вытирая слёзы свободной рукой, но вторую так и не выпустила. — Я просто... устала.

— Конечно. Конечно, устали.

Кабинка мягко коснулась платформы. Контролёр открыл дверцу, извиняясь. Они вышли под дождь — и тут София поняла, что всё ещё держит его за руку.

— Простите, — сказала она, отпуская.

— Не за что.

Они стояли под дождём, мокрые до нитки, и смотрели друг на друга. Что-то изменилось. Что-то неуловимое, невысказанное, но очень важное.

— Спасибо, — произнесла София. И сама удивилась тому, как легко вылетело это слово.

— Это была сказка, — пожал он плечами. — Просто сказка. Никакой магии.

— Нет, — покачала она головой. — Не просто.

И замолчала. Потому что добавить было нечего. Или слишком много.

— Завтра будет третье свидание, — сказал Артём, провожая её до выхода из парка. — Обещаю: без колеса. Без высоты. И без дождя.

— Жаль, — услышала она собственный голос. — Дождь... неплох.

Он улыбнулся — на этот раз открыто, широко, и от уголков глаз разбежались морщинки.

— Я учту.

На этом они расстались. София села в такси, мокрую, продрогшую, но странно лёгкую. В руке она сжимала книгу «Грозового перевала», которую на всякий случай убрала в сумку, но сегодня читать не собиралась. Сегодня ей было о чём подумать и без книг.

Дома она повесила куртку у батареи, укуталась в плед и долго сидела в темноте, глядя, как за окном стекают капли. Она думала о том, как он сочинял сказку. О том, как не отпустил её руку. О том, что где-то внутри, под слоями цинизма и брони, треснуло что-то маленькое — и в эту трещину хлынул тёплый, живой, давно забытый свет.

И это пугало её больше, чем любая высота.

Глава 5. Академический этюд

София получила приглашение на третье свидание в виде лаконичного сообщения: «Лекция в галерее „Эстетика молчания“. Тема: „Обнажённая натура — уязвимость или сила?“. Начало в 19:00. После — прогулка». Она ещё не знала, что именно в этих академических декорациях ей предстоит увидеть то, что Артём Ростов прятал десять лет. И что искусство, как и любовь, умеет обнажать без скальпеля.

Галерея «Эстетика молчания» располагалась в старинном особняке на Пречистенке — одном из тех, где лепнина на потолках помнит балы, а паркет скрипит под ногами благородно, словно старый рояль. София вошла в зал, где уже собирались посетители — не толпа, но и не пустота: человек двадцать, рассредоточившихся между колонн и временных стендов.

Артём ждал её у входа. В тёмно-сером пиджаке, накинутом поверх водолазки, он выглядел почти чужеродно — как человек, пришедший сюда не ради искусства, а ради какой-то своей, внутренней потребности. Заметив Софию, он шагнул навстречу и, чуть склонив голову, протянул ей программку.

— Рад, что вы пришли, — негромко сказал он. — Тема, как мне показалось, вам должна быть близка.

— «Обнажённая натура — уязвимость или сила»? — она пробежала глазами по строчкам. — Скорее уж «как смотреть на голых людей и делать умный вид».

Он едва заметно улыбнулся.

— Вы циник, София. Я уже начинаю к этому привыкать.

— Цинизм — это защита, — парировала она, — а не диагноз. Но давайте послушаем. Обещаю не писать рецензию.

— Обещайте хотя бы не писать её прямо во время лекции, — шепнул он и кивком указал на два свободных места в третьем ряду.

Они сели. Свет погас, оставив только подсветку у небольшой сцены, где стояли микрофон, стул и экран. Лектор — худощавая женщина с серебряной прядью в волосах и умными, чуть насмешливыми глазами — представилась искусствоведом Еленой Горецкой. Её голос полился мягко, обволакивая зал, как тёплый воск.

«Обнажённая натура в живописи всегда была больше, чем просто изображением тела. Это — манифест. Художник, снимая одежду с модели, снимает с неё и социальные роли, и защиту, и ложь. Перед нами — человек в своей предельной честности. И вот вопрос: становится ли он от этого сильнее или, напротив, — предельно уязвимым?»

На экране сменялись репродукции: «Даная» Рембрандта, «Олимпия» Мане, обнажённые фигуры Эгона Шиле — изломанные, тревожные, кричащие. София поймала себя на том, что рассматривает их не как критик, а как зритель. Она видела не композицию и цвет, а что-то иное — ту самую уязвимость, о которой говорила лектор. Ей вдруг стало неуютно. Словно картины смотрели на неё в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.